

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В ТЕКСТАХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ: КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

В. В. Антропова

Челябинский государственный университет

Поступила в редакцию 7 ноября 2014 г.

Аннотация: рассматривая коммуникативный аспект речевой агрессии в текстах соцсетей, автор описывает различные антидиалогические формы общения, а также дает рекомендации по защите от агрессивно-деструктивного дискурса с позиций экологосберегательных парадигм.

Ключевые слова: речевая агрессия, социальные сети, коммуникация, диалог, речевые жанры, медиабезопасность, лингвоэкология, культура речи.

Abstract: considering communicative aspect of verbal aggression in texts of social nets, the author describes various anti-dialogical forms of communication, as well as makes recommendations on the protection against the aggressive and destructive discourse from the viewpoint of ecology saving paradigms.

Key words: verbal aggression, social nets, communication, dialogue, speech genres, media safety, linguistic ecology, speech culture.

Агрессией как мотивированным деструктивным поведением ученые стали заниматься в конце 30-х годов XX века, и пальма первенства в этом вопросе принадлежит психологам: в 1939 году вышла монография «Фruстрация и агрессия» Д. Долларда и его коллег, рассматривавших агрессию как следствие раздражения. Своего апогея интерес к феномену агрессии в прошлом столетии достиг в первой половине 70-х годов, и в качестве причин такого пристального внимания исследователи называют события, спровоцировавшие высокий уровень социальной напряженности: участившиеся теракты, новые формы преступности (угон самолетов, киднеппинг, шантаж), влияние сцен насилия в кино и СМИ на сознание рядовых граждан [1]. К началу XXI века оформилось несколько подходов, по-разному трактующих агрессию. И все же главным итогом научных изысканий стало отождествление понятий «агрессия» и «агрессивное поведение», понимание агрессии как «мотивированного деструктивного поведения, противоречащего нормам (правилам) существования людей в обществе, наносящего вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), приносящего физический ущерб людям или вызывающего у них психологический дискомфорт (отрицат. переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т. п.)» [2].

Не менее интересным и многообещающим в плане научно-исследовательских перспектив является изучение вербальной агрессии. Речевая агрессия заслуживает самого пристального внимания уже потому, что модели агрессивного поведения находят

выражение в первую очередь в языке, будь то тоталитарный язык советского прошлого, языковая свобода перестроечного времени или языковая распущенность настоящего. Анализ работ, посвященных вербальной агрессии, позволяет говорить о том, что, во-первых, большинство исследователей определяют ее как «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манеру речи, оскорбляющую чье-л. самолюбие, достоинство» [3]. Во-вторых, агрессивный дискурс чаще всего рассматривается как часть других, «более конкретных» [1] дискурсов: профессионального, детского, политического, социального, этносоциального, субкультурного, религиозного, гендерного, виндиктивного, массмедиийного. Изучая последний, авторы в основном рассматривают традиционные СМИ. Гораздо реже внимание исследователей переключается на социальные медиа как зону перекрестного огня со своими негласно принятыми интолерантными формами речевого общения, а между тем именно они находятся в эпицентре социальной напряженности. И сегодня самыми тревожными и опасными в плане негативного речевого воздействия являются социальные сети: с одной стороны, они, как важнейший тип социальных медиа, изначально задумывались в качестве дискуссионной площадки для общественного диалога, свободного обмена мнениями, обсуждений, которые могут быть инициированы СМИ, рядовыми гражданами, представителями власти, но с другой – от них исходит реальная информационная угроза, опасность социокультурного, духовно-нравственного перерождения россиян, так как за контент, транслируемые ценности, образцы и модели поведения, речевые действия в этом информацион-

ном поле никто ответственности не несет.

«Речевая агрессия как вторжение в коммуникативное пространство адресата осуществляется на речевом, аксиологическом и когнитивном уровнях [4; 9]». Столь масштабная и глубинная деформация коммуникативного пространства пользователей сетей требует осмыслиения как со стороны коммуникативной лингвистики, риторики, речевого воздействия, так и направлений, ориентированных на человеческоберегательные принципы. Медиабезопасность как актуальная задача практического медиаобразования в эпоху технологического прорыва как раз раскрывает «тему негативного воздействия массмедиа на общество (в первую очередь на детей) и <...> защиты его (их) от этого воздействия» [5; 6]. Соответственно, для описания негативного воздействия речевой агрессии в соцсетях наиболее релевантной нам представляется лингвокоммуникативная терминология – термины речевого жанроведения, риторики, речевого воздействия (практическая часть), а тему защиты целесообразно интерпретировать в системе ценностных координат экологосберегательных парадигм: культуры речи, лингвоэкологии, информационной безопасности (последующая рекомендательная часть).

Мы остановились на одном из возможных векторов изучения речевой агрессии в социальных сетях, в частности «ВКонтакте», – на коммуникативном (речевом). Помня о том, что именно речевой жанр служит организации человеческого взаимодействия, своеобразным «центром», аккумулирующим коммуникативные интенции автора в единую речевую систему, мы ориентировались на современную типологию речевых жанров В. В. Дементьева, опирающегося на обозначенную Т. Г. Винокур диаду «информатика» и «фатика» как два полярных, наиболее общих речевых замысла, две ключевых целеустановки коммуникантов.

К фатическим жанрам В. В. Дементьев относит: 1) праздноречевые жанры, не улучшающие и не ухудшающие отношения: светская беседа (или не-принужденная болтовня); 2) ухудшающие межличностные отношения в косвенной форме: ирония, изdevка, розыгрыш, колкость, насмешка, сплетни; 3) ухудшающие отношения в прямой форме: обвинение, оскорбление, выяснение отношений, ссора, замечание, порицание; 4) улучшающие отношения в скрытой форме: шутка, флирт; 5) улучшающие отношения в прямой форме: разговоры по душам, признание, комплимент, исповедь, проповедь [6].

Среди информативных исследователь выделяет: 1) личностно нейтральные (собственно информативные): вопросы, ответы, дискуссии, просьбы, обещания, ряд которых мы бы расширили за счет жанров сообщения, подтверждения, опровержения, согласия, оспаривания, сомнения [7] и еще одного специфического жанра – комментария, свойствен-

ного интернет-коммуникации, понимаемого данной в статье как «рассуждения, пояснительные и критические замечания по поводу чего-либо» [8; 281]; 2) личностно релевантные: а) гармоничные (представление, соглашение, подтверждение); б) дисгармоничные (выговор, ультиматум, объявление войны) [6]. К личностно релевантным жанрам мы бы добавили одобрение, упрек, выделяемые Т. В. Шмелевой и называемые ею «оценочными» [7].

Мы обратились к речежанровому анализу общественного диалога, состоявшегося по поводу размещенных «Аргументами и фактами» в соцсети «ВКонтакте» журналистских материалов о недавних важных событиях в политической жизни страны – выборах различного уровня в единый день голосования 14.09.2014 года. В фокус внимания попали все статьи на эту тему, опубликованные 14 и 15 сентября 2014 года, и все так называемые комментарии: 1) «Ход единого дня голосования» – 4 комментария; 2) «Триумф товарища Зюганова. Как завершились выборы в Мосгордуму-2014» – 12 комментариев; 3) «Обработано 90 % протоколов после выборов в Мосгордуму» – 5 комментариев; 4) «Спокойно и без происшествий: в Москве прошли выборы в Мосгордуму» – 9 комментариев; 5) «Как прошли выборы губернаторов 14 сентября?» – 36 комментариев; 6) «На выборах в Якутии победил действующий глава региона Егор Борисов» – 4 комментария.

Анализ постов показал, что участники общественного диалога, инициированного «АиФ», чаще прибегают к информативным жанрам, нежели фатическим: 55 против 15. Среди информативных жанров мы насчитали 44 личностно нейтральных (односложные комментарии, вопросы, ответы, дискуссии, сообщения) и 11 личностно релевантных (возражения, выговоры, сомнения, подтверждения, соглашения). Начало практических всех обсуждений схоже: их открывают односложные комментарии, выраждающие сомнения в честности проводимых выборов, недоверие по отношению к ожидаемым результатам, подозрение в фальсификации данных, неодобрение действий власти, иронию, что свидетельствует о высокой степени социальной напряженности и агрессивности населения. Подобные начальные комментарии, часто имеющие провокационный характер, инициируют последующий диалог в жанре дискуссий, ведущей коммуникативной интенцией которых является желание прочитавших первый пост поддержать критику событий, общую саркастично-ироническую, язвительно-насмешливую тональность высказываний:

– Вот вам и явка. Ха-ха.

– Татьяна, власти далеки от народа. От народа воняет, а они там все в дорогих костюмах, облитые дорогим парфюмом. Поэтому мэрин [то есть мэр – В. А.] московский и сидит в гордом одиночестве [на фотографии – В. А.].

– Такое ощущение, как будто мэрин не на выборах, а медкомиссию призывную проходит, а за столом сидят люди в белых халатах. Я только щас понял, что за столом сидят не врачи, а делегированные на выборы за деньги люди.

Другой пример:

– Страна ликует!!! Я так думаю, что по такому поводу недельку-другую гулять надо...

– Надо же, вот неожиданность!!!

– Уга, товагищи!

Встречаются и крайне грубые, содержащие обсценную лексику начальные комментарии скептико-нигилистического характера, представляющие собой выплеск отрицательных эмоций. Такие сексуализированные инвективы довольно большого числа пользователей соцсетей представляют собой, согласно классификации Л. А. Китаева-Смыка, «убогую нецензурщину, восполняющую скудность языка <...>, выполняяющую роль словесных протезов» [9; 21]. Последующие медиаообщения в жанре дискуссий являются уже более категоричными по сравнению с первым примером высказываниями, содержащими, по сути, непроверенную информацию, домыслы, слухи:

– Наеб...лово очередное.

– Единым порывом народа партия жуликов и воров и дальше будет грабить нашу Родину...

– Происходящее нельзя называть «выборами».

– Вот все отзывы такие. Неужели Вова думает, что народ дурак. А если нет, то чего он ничего не предпринимает?

– Все из одной «конюшни».

– Какие выборы, почти никто не ходил, а явка зашкаливает... Налицо полемические приемы по манипулированию массовым сознанием: фигура общего мнения (Вот все отзывы такие), навешивание ярлыков (Партия воров и жуликов), прием обобщения (Все из одной «конюшни»).

Приведенные выше примеры иллюстрируют первую линию поведения при речевых провокациях – поддерживающую сомнительно-недоверчивое отношение к предмету разговора, одобряющую агрессивное поведение высказывающихся. Личноностно нейтральные информативные речевые жанры в общем потоке негативных отзывов, выражают молчаливое согласие комментаторов с общей коммуникативной интенцией, приобретают также признаки личноностно релевантных, в частности жанра соглашения. Здесь мы наблюдаем элементы общения, гармонизирующие, косвенно улучшающие межличностные отношения дискутирующих, хотя и проявляется такая коммуникативная слаженность, коопeração на почве бездоказательной критики, агрессивного речевого поведения, пренебрежения правилами речевого этикета.

Есть и другие примеры, также начинающиеся с односложного комментария, но последующий общественный диалог разворачивается все же в раци-

онально-аналитической плоскости – как более или менее развернутое доказательство своего мнения:

– Не хожу на выборы! Все и так решено!

– Хожу... чтобы моя совесть была чиста... да...

– Екатерина, правильно – на выборы не ходим, а потом возмущаемся итогами!

– Отсутствие уголовной ответственности избирателя перед законом вплоть до расстрела за передачу своего личного права принимать решения <...> является основой всех преступлений в демократическом <...> обществе любой страны. Только личная ответственность каждого избирателя за использование всех своих прав, зарегистрированная официально под протокол, избавит человечество от мракобесия <...>.

– А никто и не возмущается выборами, так как все уже давно голосуют ногами. Поэтому и придумали явочный порог: если пришли 20 %, то выборы считать состоявшимися. В этом речевом фрагменте мы наблюдаем дисгармоничные личноностно релевантные информативные жанры, поскольку они имеют конфликтную направленность: выговор-прицание, возражения – говорящие отстаивают свою гражданскую позицию. Однако характер возражений несогласных носит явно агрессивный характер, о чем свидетельствует выбор, во-первых, полемической речевой тактики реверсии, то есть обращения против оппонента его же обвинений или суждений (Екатерина, правильно – на выборы не ходим, а потом возмущаемся итогами!), во-вторых, лексики экстремизма (вплоть до расстрела, уголовная ответственность, мракобесие и т. д.).

Приведем другой пример:

– Олег, как бы хотелось, чтобы на таких, как ты, завели уголовное дело за оскорбление и клевету! Поубавилось бы распространителей сплетен и домыслов! Собака лает, караван идет <...>. Надеюсь, что «собаки» в конце концов захлебнутся желчью. Здесь мы наблюдаем парадоксальную речевую ситуацию: жанр пожелания, сопровождаемый в русском речевом этикете исключительно положительными намерениями говорящего, наделяется новыми противоположными коммуникативными смыслами.

Говоря о второй, аналитико-рациональной линии ведения общественного диалога, все же отметим: аналитическая ценность его сомнительна, поскольку наряду в простейшей аналитикой в таких обсуждениях присутствуют некритичные высказывания, в которых говорящие как бы заранее со всеми соглашаются, играют отведенную им роль коммуникативного конформиста-«пофигиста», что демонстрирует отсутствие у реципиента какого бы то ни было коммуникативного и когнитивного «иммунитета» ко всякого рода провокационным фразам:

– Не хожу на выборы! Все и так решено!

– Каждый народ имеет ту власть, которая его имеет!!!

– Какая разница, какого вора выбирать?! Результат будет один! и т. д.

Фатическая коммуникация представлена жанрами, ухудшающими в прямой или косвенной форме отношения, подавляющими собеседника: замечаниями, упреками, порицаниями, иронией, насмешками, колкостями, оскорблением, выяснениями отношений, издевками, основу которых составляет инвективная лексика (жаргонизмы, генитальный мат, просторечные экспрессивы типа сволочь, гаденыш, подлец, урод, дура), выполняющая в следующих речевых фрагментах несколько коммуникативных задач: оскорбление, унижение, опорочивание адресата; демонстрация своей языковой «свободы», «смелости», «креативности»; разрядка эмоционального напряжения. Для всех фатических жанров главной темой становится сам собеседник, выражаящий несогласие с большинством, а журналистские материалы играют уже второстепенную роль в обсуждении, при этом выразители альтернативной точки зрения первыми задают агрессивный тон:

1) – Олег, как бы хотелось, чтобы на таких, как ты, завели уголовное дело за оскорбление и клевету!

– Елена, тетенька, отдохни... (речевой жанр иронии: призыв адресата в эвфемистической форме замолчать, прекратить диалог, причем долю иронии, насмешки усиливает лексема тетенька).

– Олег, что-то не припомню таких «племянников».

– Елена, ну не дяденькой же вас называть (речевые жанры колкости).

2) – Фрэнк-Кристофер, чтобы показать, что ты долбо...б, не обязательно было что-либо писать, можно было просто прикрепить песню Макаревича (жанр оскорблений).

– Свищ, достаточно посмотреть твой матюгальный комментарий, чтобы понять, что внутри черепа у тебя го...но (выяснение отношений).

3) – Зачем вообще проводят выборы? Как будто в России есть выборы.

– Алексей, фейсик-то прикройте, опник (жанр замечания в форме призыва замолчать).

4) – Дмитрий, ах, ажно 5 вбросов. На айфон не скоро заработаете в таком темпе (жанр насмешки).

– Лана, Вам давно не напоминали, что Вы – дура... Напоминаю (оскорбление).

– Надя, опник, уже вижу, красотой мир Вы не спасете. Но в Вас есть одна хорошая черта – она делит задницу пополам (попытка издевки, основанная на запрещенных в цивилизованном споре риторических приемах).

Говоря о втором компоненте медиабезопасности – многовекторной защите от речевой агрессии в соцсетях через призму экологосберегательных парадигм, отметим следующее:

1) с позиции культуры речи (например, в рамках обязательного вузовского курса «Культура речи»)

необходимо обучать пользователей не только конструктивному диалогу, предполагающему информативность, этичность, корректность их собственной речи, аргументированность, взвешенность оценок, но и эффективной коммуникации с суггестором путем распознавания и нейтрализации манипулятивных приемов (игнорирование агрессивного тона, бестактных высказываний, изменение агрессивно-деструктивной целеустановки коммуниканта и т. д.);

2) социальные сети, диктующие пользователям моду на так называемый язык вражды, формирующие их языковой вкус, разрушают русский язык как общенациональное достояние, а значит, и деформируют национальное самосознание, поэтому необходимо лингвоэкологическое осмысление этой проблемы со стороны государства, общественных организаций, научного сообщества;

3) с точки зрения информационной безопасности нужна комплексная государственная программа, включающая законодательный, образовательный компоненты, и не только в отношении детей, но и взрослого населения. Разработка законов о СМИ и толерантной риторике в публичной коммуникации должна иметь опережающий характер. На образовательную составляющую мы возлагаем особые надежды, так как медиакомпетентная, критически мыслящая личность способна защитить себя сама в ситуации речевого насилия, когда законы не работают.

Итак, взгляд на коммуникативный аспект речевой агрессии в социальных сетях с точки зрения медиабезопасности выявил две основные задачи, в соответствии с которыми проводится изучение этой темы и решение которых может привести к положительному результату [5]: а) осознание негативного речевого воздействия данного типа медиа на пользователей (агрессивно-деструктивные, антидиалогические формы коммуникации, идентификация суггестивно-манипулятивных приемов); б) осмысление защитных мероприятий с точки зрения человекоохранительных подходов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Радченко О. А. Исследование агрессивного дискурса : проблемы и перспективы / О. А. Радченко. – Режим доступа : http://radchenko.ru/?page_id=59
2. Агрессия // Большой психологический словарь. – Режим доступа : <http://psibook.com/dicts/04/agresija.htm>
3. Речевая агрессия // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – Режим доступа : [http://stylistics.academic.ru/140/Речевая агрессия](http://stylistics.academic.ru/140/Речевая%20агрессия)
4. Воронцова Т. А. Речевая агрессия : коммуникативно-дискурсивный подход : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. А. Воронцова. – Челябинск, 2006. – 43 с.
5. Фатеева И. А. На пути к медиабезопасности / И. А. Фатеева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 21. – С. 6–9.

6. Дементьев В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М. : Знак, 2010. – 600 с.
7. Шмелева Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка / Т. В. Шмелева // Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. Берлин, 1990. – № 2. – С. 20–32. – Режим доступа: <http://jf.spbu.ru/upload/files/>
- file_1357863442_3425.pdf
8. Современный толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузенцов]. – СПб. : Норинт, 2002. – 960 с.
9. Китаев-Смык Л. А. Сексуально-вербальные защита и агрессия / Л. А. Китаев-Смык // Сборник научных трудов «Речевая агрессия в современной культуре». – Челябинск : ЧелГУ, 2005. – С. 17–21.

Челябинский государственный университет

Антропова В. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиаобразования
E-mail: ava45@yandex.ru

Chelyabinsk State University

Antropova V. V., Candidate of Philology, Associate Professor of Journalism and Mediaeducation Department
E-mail: ava45@yandex.ru